

О. В. Авдошкина

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

В современных условиях развития российской многопартийности большое значение приобретает изучение исторического опыта партогенеза на рубеже XIX–XX вв. и его осмысление политическими деятелями и практиками того времени. В статье в сравнении рассматриваются взгляды либералов на проблему становления и развития политических партий в России в условиях революционного процесса.

Ключевые слова: *революционный процесс, партогенез, политическая партия, классификация партий, партийная борьба.*

Российский партогенез, складывавшийся в своеобразных экономических и общественно-политических условиях рубежа XIX–XX вв., вызвал потребность в создании теоретической базы, которая соответствовала бы не только специфическим условиям страны, но и задачам борьбы за назревшие в ней коренные преобразования. Изучая опыт западноевропейских партий, представители русской общественно-политической мысли относились к нему весьма критично, понимая, что население России к этому времени не имело того уровня политической культуры, какой был присущ представителям европейской цивилизации.

Кроме того, если в определении самого термина «партия» в работах русских мыслителей, каких бы политических позиций они ни придерживались, в целом не было особых расхождений, то цели и место партий в политических процессах ими понимались по-разному. Так, леворадикальное крыло видело в политической партии орудие борьбы за власть и свержение царского самодержавия, либералы же стремились к участию в осуществлении власти без радикальных изменений существовавшего в тогдашней России строя, желая быть «конструктивной оппозицией» (например кадеты). В зависимости от идейно-политических воззрений определялись стратегия и тактика политических партий, роль их фракций в Государственной думе, отношение к блоковым проблемам и правительственной политике.

Существенный вклад в разработку некоторых теоретических и методологических аспектов данной проблематики внесли российские политики-практики, непосредственно стоявшие у истоков формирования и организации партий. Необходимо отметить, что, в отличие от научных исследований, их работы, как правило, носили публицистический характер, но при всем этом сохранили значительную познавательную ценность и позволяют судить о том, как воспринимали события современники, многие из которых находились в их эпицентре. Однако содержание работ глубоко политизировано, поскольку зависело от того, к какой партии принадлежали авторы.

Определенный интерес в изучении некоторых вопросов партийного строительства представляет позиция российских либералов, которые сталкивались с теми же проблемами, что и социал-демократы. Партии либеральной направленности, как и их политические оппоненты, прошли через этап существования протопартийных организаций и союзов, создававших необходимые условия для формирования партий. Однако партогенез у либералов шел с заметным опозданием по сравнению с идентичными процессами в революционно-демократическом лагере.

Лидеры либералов отмечали, что в ходе самоорганизации различных слоев населения имеет место весьма необычное явление, которое очень четко прослеживалось при принятии различного рода резолюций и составлении программ. Резолюции, как правило, составлялись весьма однообразно, по определенной схеме: однородными были общий настрой текстов, «отрицательная и критическая части», оценка текущей политической ситуации («политическая часть»). Что же касается разработки программ или политических «платформ», содержащих конкретные меры по реализации принятых резолюций с точки зрения их констатирующей части, то именно на этой стадии проявлялись принципиальные разногласия, приводившие к расколам союзов и даже партий.

Анализируя это явление, П. Н. Милюков, лидер российских конституционных демократов, отмечал, что все союзы и объединения, как правило, видели перед собой только одного противника – царское самодержавие, деятельность которого оценивалась отрицательно. Однако во всех остальных случаях верх брал «социальный интерес», который был различным у всех слоев населения, отсюда и разница в представлениях о путях будущего развития России. Именно это обстоятельство и вело к расколам в одних политических группировках и слияниям в других.

По мысли автора, такая ситуация легко объяснялась «недостатком политической опытности» российского общества, отсутствием «нормальных по-

литических условий» для объединения в политические партии, а также отсутствием возможности свободного обсуждения проблем, программ и платформ, чтобы в соответствии со своими интересами «сразу группироваться по партиям». Естественно, что «одна из самых насущных задач текущего политического момента (создание партии. – О. А.) не может быть выполнена как следует. Время не ждет, и то, что не может быть сделано правильно, как-нибудь делается, потому что это, безусловно, необходимо делать». Именно поэтому «интеллигентная Россия» была вынуждена искать промежуточные формы объединения, например «союзы», которые «надо признать временным состоянием и, несомненно, при сколько-нибудь нормальном ходе дальнейшей нашей политической жизни эти группировки должны будут уступить место новым, более определенным и сплоченным» [1, с. 34–41].

По мнению П. Н. Милюкова, высказанному им в докладе на совещании своей партии в ноябре 1909 г., партии возникают не на социально-экономической основе, а на базе идей, которые рождаются и существуют сами по себе. Люди, разделяющие определенные идеи, объединяются и организуют партию. При этом у каждого политического движения должен быть «свой широкий и прочный социальный базис». Противореча своей концепции, сами кадеты, как известно, стали искать собственный «социальный базис» только после поражения первой русской революции.

Однако лидер кадетов признавал, что российские политические партии «не имеют глубоких корней в населении». Правительство же, находясь «в еще худшем положении», вынуждено «искать опоры не в населении вообще, а в той или другой определенной политической партии. Под влиянием именно этой правительственной тенденции – отказаться от старой искусственной беспартийности или надпартийности и вмешаться активно в процесс организации партий в стране – значительно задерживается процесс проникновения партий в народную толщу. Те из партий, которые могли бы легко найти себе почву и послужить основой для скрепления однородных общественных элементов, как раз вызывают наиболее недоверия у власти и ревниво отстраняются от масс всевозможными приемами наблюдения и воздействия, носящими традиционный полицейский характер. <...> С другой стороны, партии, воздействие которых на массы желательны для правительства и которые усиленно поощряются в своих стараниях – укорениться в населении, слишком противоречат интересам масс по самому существу своих стремлений. И организация масс при их помощи носит характер искусственный, а иногда и насильственный. Уже поэтому все подобные попытки организации осу-

ждены остаться на поверхности общественной жизни» [2, с. 237–238].

По мнению П. Н. Милюкова, политические партии различаются прежде всего по своеобразию идей, которые они выдвигают, защищают и пытаются воплотить в жизнь. Он выделял четыре группы партий (политических течений) – «демократический монархизм», «буржуазный конституционализм», «демократический конституционализм» и левые партии, причем последние для лидера кадетов были интересны лишь как объект для отрицательного отношения со стороны либерально настроенной интеллигенции [3].

К первому течению – «демократическому монархизму», отражавшему «соединение неограниченного самодержавия с крестьянством», – он относил все правые партии, защищавшие самодержавие и его связь с народом, минуя «бюрократию». При этом политик подчеркивал, что на самом деле «демократизм» – это обман и демагогия, а «монархизм» есть не что иное, как абсолютизм. Поэтому «демократизм» «является лишь вывеской или рычагом, при помощи которого стараются доставить торжество известной политической идеи», поскольку «программные требования должны стоять в каком-нибудь соответствии с действительными интересами народных масс». С точки зрения П. Н. Милюкова, подобные партии создаются искусственно и поддерживаются правительством и «бюрократией».

Под вывеской второго течения – «буржуазного конституционализма» – лидер кадетов понимал октябристов и близкие к ним партии, стоявшие за союз с бюрократией. Данное течение, по мнению политика, «менее искусственно и более современно», однако «в своем происхождении оно так же, если не более, поверхностно, как и первое. Оно не может искать своих социальных корней там, где ищет их “демагогический монархизм”, – в крестьянстве (по крайней мере, в широких массах крестьянства, которые “сохранили старые основы социального быта”, для “буржуазного конституционализма” нет опоры). По отношению к земледельческой части населения “буржуазный конституционализм” выдвигал смелую попытку – ассимилировать себе хотя бы верхний слой этой массы, чтобы затем опереться на тех “сильных и крепких”, которых еще предстоит создать. За усиление и создание этого родственного себе социального элемента данное течение и принялось с исключительной, вообще мало ему свойственной энергией». Однако, по утверждению П. Н. Милюкова, «этого рода социальный базис – пока еще весь в будущем», поэтому его дальнейшая судьба «больше всего зависит от случайностей данной политической конъюнктуры».

Основу третьего течения – «демократического конституционализма» – составляли кадеты и их соратники, стоявшие на позициях «соединения радикальной политической и радикальной социальной программ». Их главной социальной опорой являлись представители городской демократии (исключение составляли рабочие – «социальный базис» социал-демократии) и «преследуемые правительством народности». По мнению П. Н. Милокова, «основная мысль этого политического течения есть та, что дело русского обновления не может быть закончено той политической судорогой (речь, вероятнее всего, идет о революции. – О. А.), какая, по вине истории, оказалась необходимой для его начала». Поэтому между двумя противоположностями – революцией и реакцией – кадеты выбрали «принцип легальной конституционной борьбы» [3, 26 ноября].

Представляют определенный интерес взгляды других видных деятелей партии Народной свободы на проблемы партийного строительства. В их излишне политизированных и идеологизированных работах, представлявших тесное, довольно часто неразрывное, переплетение элементов публицистики, мемуаристики с собственно научным подходом, подробно рассматривались истоки возникновения кадетской партии и основные этапы ее развития. Большое внимание кадеты уделяли освещению форм и методов противостояния царскому режиму, тактики кадетской фракции в Государственной думе, защите программных положений своей партии.

Известный философ, публицист и общественный деятель, один из лидеров правых кадетов А. С. Изгоев в своем очерке, посвященном российским политическим партиям начала XX в., писал, что партии – это не «механическое объединение людей вокруг определенной программы», а «известный организм с душой и сердцем», поэтому «уловить настоящий пульс партии нередко важнее, чем знать подробности ее программы» [4, с. 3].

По мнению ученого, центральное место в партийно-политическом спектре тогдашней России по праву занимала партия Народной свободы. Ее принципиальное отличие состояло в первую очередь в том, что она являлась не «партией класса, как бы многочисленен и прогрессивен он ни был, а партией целого, партией государственной и национальной». А поскольку выше всего стоят интересы России, то «интересы каждого, естественно возникшего класса подлежат признанию и защите, поскольку они не противоречат интересам всего государства, а входят частью в общую, гармонически связанную жизнь целого». Уже только на этом основании, по мысли А. С. Изгоева, партии Народной свободы чужда идея любой диктатуры справа

(монархисты) или слева (социал-демократы), «попирающей свободу и права личности». Поэтому какие бы цели ни преследовала диктатура, автор уверен, что только кадеты будут всеми доступными средствами с ней бороться, поскольку их партия «по самому существу своему есть партия демократическая, склоняющаяся перед народной волей». Единственным проявлением таковой кадеты признают только «свободный голос большинства народного представительства, избранного всеобщим и равным голосованием» без какого-либо силового партийного давления [4, с. 38–39].

При этом А. С. Изгоев считал, что с партией, даже социалистического толка, не признающей диктатуру, кадеты могут найти общие точки соприкосновения, «несмотря на различия отдельных взглядов». По мнению автора, партия Народной свободы саму идею социализма как справедливого общественного устройства не отрицает, однако считает, что «человечество должно прийти к нему, повинувшись свободному голосу своей совести и разума», поскольку «нельзя человечество, как барана, притянуть на веревке силой к социализму». В противном случае «это будет не социалистическое устройство, а всеобщий хлев, где погонщики будут кормить в известные часы бессловесный скот, чтобы потом гнать его на работу» [4, с. 40]. Весьма сложно, на наш взгляд, не заметить, насколько пророческими оказались мысли А. С. Изгоева о насильственном построении социализма в России.

Большую роль в пропаганде идей партии Народной свободы сыграл известный историк, публицист, профессор Петроградского политехнического института, секретарь и член ЦК партии кадетов А. А. Корнилов. Будучи одним из руководителей агитационно-издательской комиссии, он редактировал многочисленные брошюры, посвященные истории партии, ее программе и тактике (с марта по июнь 1917 г. было выпущено порядка 20 таких изданий пропагандистского характера).

Говоря об идейных незыблемых основах партии кадетов, в одной из своих публичных лекций А. А. Корнилов отмечал, что они выражаются в старой демократической формуле: «свобода, равенство и братство» и ни при каких обстоятельствах не могут быть изменены, «пока партия остается верна себе». Осуществление этих основ должно быть «достигнуто при помощи свободной от всяких стеснений народной воли». Именно это, по мнению ученого, является главным принципом демократии, который лежит в основе деятельности партии Народной свободы.

Программа партии – «одна из крупнейших партийных ценностей», однако она вырабатывается на «обозримое ближайшее будущее» и является «комбинацией партийных принципов с теми конъюн-

ктурами и обстоятельствами, в которых в данную эпоху общество и народ живет и развивается», поэтому может корректироваться по мере исторической или политической необходимости [5, с. 5]. Поэтому не случайно, говоря об истории кадетской партии, А. А. Корнилов констатировал, что после Февральской революции 1917 г. она «попала в довольно странное положение: если считать, что существование нашей партии обуславливается осуществлением выставленной ею программы, то можно было бы сказать, что теперь мы не только достигли всего, что обозначено в нашей программе в отношении желательного политического строя, но достигли даже более того, что в ней обозначено» [5, с. 29].

Однако, по мнению автора, это обстоятельство не позволяет кадетам уйти с политической арены, поскольку «практическая программа партии никогда не может считаться выражением всех ее идейных стремлений», которые остаются неизменными независимо от существующего политического строя. Другое дело, что в новых условиях необходимо пересматривать некоторые вопросы, например, касающиеся определения формы правления [5, с. 6–7, 30].

Так, вопрос о форме правления на протяжении всего времени существования партии Народной свободы подвергался неоднократному пересмотру. На своем учредительном съезде (сентябрь 1905 г.) кадеты при обсуждении вопроса политического устройства остановились на формулировке, согласно которой «конституционное устройство Российского государства определяется основными законами». Такая формула давала возможность по-разному трактовать саму идею демократического устройства страны в зависимости от результатов революции: от конституционной (парламентской) монархии до демократической республики. Однако уже в январе 1906 г., когда революционный накал стал постепенно сходить на нет, кадеты пересмотрели свои взгляды на проблему государственного устройства России. Теперь уже, по их мнению, «республиканский строй совершенно не отвечал не высказывавшейся, а предполагавшейся народной воле», поэтому возникла настоятельная необходимость уточнить формулу власти. Поэтому в программе было отмечено, что Россия должна быть «конституционной и парламентарной монархией», а ее государственное устройство определяться «основным законом». Таким образом, кадеты признавали ограниченную монархию в качестве основной формы правления в России, оставаясь на этих позициях вплоть до марта 1917 г., пока кардинально не изменилось положение в стране. После свержения монархии вновь возникла необходимость в пересмотре вопроса о форме государственного

устройства, и кадеты опять вернулись к идее установления в России демократической республики, что в значительной степени отвечало их изначальным идейным позициям.

Огромное внимание научному обоснованию кадетской идеологии уделял известный историк, политический деятель, один из учредителей партии кадетов, профессор А. А. Кизеветтер. Анализируя программные установки кадетов, он отмечал, что партия Народной свободы является «партией реальной политики не в смысле отсутствия у нее определенных идеалов, а в том смысле, что пути к осуществлению идеалов намечаются партией на основании строгого учета реальных жизненных условий». При этом автор выделял два основных идеала партии:

1) свобода, понимаемая как возможность для каждого гражданина беспрепятственно осуществлять не только то, «что не воспрещено законами, установленными свободным представительством», но и «те права, которые по сознанию культурного человечества присущи человеческой личности на основании принадлежности к человеческому роду»;

2) социальная справедливость – «такая организация социальных отношений, которая обеспечивает каждому гражданину достойное человеческое существование» [6, с. 4].

По мысли А. А. Кизеветтера, определение путей к претворению данных идеалов в жизнь должно опираться «на установленные наукой законы действительного хода развития человеческих обществ и на строгий учет реальных жизненных фактов в данный момент исторической жизни». При этом и свобода, и социальная справедливость, по утверждению историка, «не могут и не должны быть проводимы в жизнь такими способами и приемами, которые сами по себе являются отрицанием свободы и справедливости». По мнению автора, «нельзя насаждать свободу посредством произвола», поскольку любое насилие якобинского характера само по себе «разрушает правомерное существование свободы». А любая диктатура, в том числе и диктатура революционной власти, «раздражает, ожесточает против революции и питает рост антиреволюционных чувств и стремлений». Отсюда наличие в кадетской программе положений о различного рода свободах, в том числе и политического характера. Именно совокупностью этих положений партия Народной свободы отличается от любых классовых партий, выражая внеклассовые интересы всего народа [6, с. 5, 7, 21, 26].

Объясняя внеклассовый характер своей партии, А. А. Кизеветтер утверждал, что политические программы создаются в первую очередь для жизни, а не ради «отвлеченно-школьной игры ума»,

поэтому они должны считаться с конкретными жизненными фактами, например расчленением обществ на классы, борьбой противоположных классовых интересов. В то же время ученый считал, что нельзя сводить содержание жизни государства только к классовой борьбе, а сущность самого государства к «механическому сцеплению взаимно враждующих классов», как это делали социалисты. По мысли автора, в любом государстве, наряду с интересами отдельных классов, существуют также общегосударственные и общенародные интересы, от осуществления которых во многом зависит благосостояние «всего государственного союза как единого целого» и которые могут отстаиваться «не иначе, как дружными усилиями всех сознательных граждан». К таким интересам, к примеру, А. А. Кизеветтер относил развитие парламентаризма, свержение самодержавия, защиту интересов трудящихся масс, справедливое решение крестьянского вопроса и прочее [6, с. 9–13].

Отвечая на нападки политических оппонентов, обвинявших кадетов в неустойчивости их воззрений по вопросу о форме правления и отсутствии определенного политического идеала, историк указывал, что на самом деле партия Народной свободы в своей политической программе занимает самую четкую и правильную позицию. Еще в 1905 г. в официальных кадетских изданиях отмечалось, что партия «вовсе не смотрит на конституционную монархию как на неотъемлемую принадлежность будущего государственного строя России и вполне предусматривает возможность замены ее республиканской формой правления». Однако такая смена государственного устройства будет возможна только в том случае, если «большинство населения России согласится на признание республики». При этом автор отмечал, что кадеты никогда не признавали самодержавной монархии, как октябристы, а ратовали за «парламентарную конституционную монархию», совмещающую в себе «монархические начала с существенными элементами народовластия». И если в условиях революции 1905–1907 гг. установление республики виделось лишь в отдаленной перспективе, то «когда стал возможен выбор между монархией и республикой, партия поступила лишь последовательно и вполне согласно всем строем своих всегдашних воззрений», высказавшись за республиканское устройство [6, с. 24–25].

А. А. Кизеветтер в своих политических пристрастиях был весьма последовательным. Встретив восторженно Февральскую революцию и свержение самодержавия, он считал, что для России станет гибелью любая форма диктатуры, в том числе и классовая. Поэтому неслучайно в своих статьях и публичных лекциях он неоднократно указывал на антибольшевистские настроения, имевшие-

ся в заявлениях всех партий и групп. Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. историк оценил крайне негативно, отмечая, что «все это губительное и дикое изуверство обрушено на Москву и Россию кучкой русских граждан, не остановившихся перед неслыханными злодеяниями против своего народа, лишь бы захватить во что бы то ни стало власть в свои руки, надругавшись с таким беспредельным бесстыдством над теми самыми принципами свободы и братства, которыми они кощунственно прикрываются» [7].

Не менее жестко он оценивал и само большевистское движение, считая, что оно являет собой «опыт сотворить из пролетариата новую буржуазию со всеми минусами и без всяких плюсов буржуазного жизненного уклада, а социализм остается этикеткой, механически прикрепленной к этому глубоко антисоциальному движению» [8].

Подобных взглядов придерживался философ, историк философии, профессор Петербургского университета Н. О. Лосский, сыгравший большую роль в популяризации идей кадетской партии. По его мнению, единственной российской политической партией, заботящейся «об интересах всех граждан страны, а не об одном каком-либо классе народа», является партия Народной свободы, для которой нет ничего важнее, чем «честь и процветание государства Российского» [9, с. 6].

Взгляды кадеты Н. О. Лосского на государственное устройство были еще более демократичными, чем А. А. Кизеветтера. По его мнению, Россия должна стать демократической парламентарной республикой, в которой законодательная власть будет принадлежать Государственной думе, составленной из депутатов, избранных на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов независимо от их вероисповедания, национальности и пола. Именно Государственная дума будет выбирать на определенный срок президента – главу исполнительной власти и ответственных перед народными избранниками министров. Только в таком случае можно говорить об истинной демократии для России [9, с. 5].

Представляют интерес и взгляды кадеты В. К. Никольского, по мнению которого политическая партия есть не что иное, как «организованный союз граждан, связанных дисциплиной, с целью проведения в жизнь посредством однообразной тактики общей политической программы». При этом автор отмечал, что значительность политической роли партии зависит в первую очередь от «списка предлагаемых реформ», а глубина программы – от важности государственных и общественных вопросов, решаемых ею. Как считал В. К. Никольский, на российском политическом Олимпе начала XX в. «грандиозностью своей про-

граммы» выделялись три партии: социалисты-революционеры (эсеры), социал-демократы (эсдеки) и конституционные демократы (кадеты, или Партия народной республики (такова формулировка самого автора. – О. А.)) [10, с. 3]. При этом партии стоят на различных социальных опорах: кадеты «стремятся занять междуклассовую позицию и опереться на самые различные общественные слои», эсдеки «с гордостью считают себя рабочей партией», а эсеры «заменяют рабочего крестьянином, стремясь осуществить блок крестьян, рабочих и интеллигентов». В то же время автор находил многочисленные черты сходства в программных установках партий, считая, что, к примеру, социалистическая программа-минимум «приближается к кадетской» [10, с. 4–5].

По утверждению автора, единодушные партийных программ можно увидеть практически по многим проблемам (с поправкой на представления каждой партии): форме правления (парламентарная республика), системе центрального и местного управления (децентрализация власти), выборах (по четырехчленной формуле), решении национального вопроса (автономии для некоторых национальных меньшинств), передаче земли крестьянам и другому [10, с. 6–30].

Завершая свой анализ программ, В. К. Никольский отмечал, что все политические партии могут пойти по одному пути, если «кадеты решительно сдвинутся влево и пойдут навстречу новой жизни». Свой вывод он подтверждал ссылкой на позицию профессора Н. О. Лосского, высказанную им на VII съезде кадетской партии¹, согласно которой «кадеты тоже социалисты, только не революционные, а эволюционные, т. е. убежденные не в мгновенном наступлении светлого царства трудящихся, а в печальной необходимости идти к нему долгим и трудным путем». При этом автор добавил, что и социалисты должны сделать шаг к сближению, оставаясь на позициях воплощения в жизнь программы-минимум. Для воплощения в жизнь всех партийных программных установок «практический смысл кадетов, большое сердце революционеров и железная воля социал-демократов» должны сплотиться в «триединую непреоборимую лигу» и мощным потоком «смыть навеки остатки старого строя» [10, с. 31–32].

Эта проблематика предстает особенно актуальной на современном этапе развития российского партогенеза [11], оказывающем сильнейшее влияние на закрепление демократических приоритетов развития России.

Список литературы

1. Милуков П. Н. Партии или союзы? // Милуков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб.: Тип-я т-ва «Общественная польза», 1907.
2. Доклад П. Н. Милукова: Приложение к протоколам совещания конституционно-демократической фракции III Государственной думы с представителями местных групп партий 14–15 ноября 1909 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 2. 1908–1914 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 236–252.
3. Милуков П. Н. Наши политические партии в стране и Думе // Речь. 1909. 25, 26 ноября; 1, 22 декабря.
4. Изгоев А. С. Наши политические партии. Пг.: Синадальная тип-я, 1917. 44 с.
5. Корнилов А. А. Партия народной свободы (исторический очерк): Лекция, читанная 20 марта 1917 г. на курсах для лекторов и агитаторов Партии народной свободы. Пг.: Тип-я П. П. Сойкина, 1917. 32 с.
6. Кизеветтер А. А. Партия народной свободы и ее идеология. М.: Изд-во «Народное право», 1917. 30 с.
7. Кизеветтер А. А. Враги народа // Русские ведомости. 1917. 26 октября (8 ноября).
8. Кизеветтер А. А. Буржуазная природа большевистского движения // Там же. 1918. 15 (28) января.
9. Лосский Н. О. Чего хочет партия народной свободы (конституционно-демократическая)? Пг.: Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1917. 16 с.

¹ VII съезд партии Народной свободы (25–28 марта 1917 г.) состоялся через месяц после Февральской революции. К моменту его созыва в состав Временного правительства, которое являлось основной и наиболее компетентной законодательной и исполнительной ветвью сложившегося в стране двоевластия, вошли ведущие политики кадетской партии, ее элита во главе с П. Н. Милуковым, искренне озабоченные проблемами будущего государственного устройства России. Кадеты фактически стали правительственной партией. На съезд съехались представители 50 городов – 323 делегата, а всего в его работе приняли участие 425 человек. По сообщениям кадетской газеты «Речь», общая атмосфера на съезде характеризовалась как состояние эйфории. Делегаты восторженно приветствовали февральские события и создание Временного правительства с участием своих партийных лидеров. Поэтому в одних речах звучали призывы к немедленному единению всех левых сил для решения стоящих перед страной задач, а другие ораторы говорили о необходимости взвешенного подхода к проведению социально-экономических и политических реформ, отказа от крайнего радикализма и дистанцированности от тактики большевиков. На съезде остро проявились разногласия между сторонниками левого и правого течений в партии. Большой резонанс вызвали доклады о пересмотре вопроса о государственном строе в партийной программе, созыве Учредительного собрания с целью выработки и принятия конституции, тактике партии в новых политических условиях, об отношении к войне и пр. См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 796–798.

10. Никольский В. К. Наши политические партии о будущем России. М.: «Практические знания», 1917. 32 с.
11. Трунтягин А. А. Демократические и авторитарные тенденции политических партий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11. С. 214–219.

Авдошкина О. В., кандидат исторических наук, доцент.

Хабаровский краевой институт развития образования.

Ул. Забайкальская, 10, Хабаровск, Россия, 680011.

E-mail: olga-avdoshkina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22.04.2011.

O. V. Avdoshkina

**THE CONCEPT OF A POLITICAL PARTY IN THE TREATMENT OF RUSSIAN LIBERALS
(LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

Under current conditions of Russian multiparty great importance is to study the historical experience of partogenez at the turn of the 19th – 20th centuries and also its understanding by policy makers and practitioners at the time. The article compared the views of liberals considered the problem of the formation and development of political parties in Russia in the revolutionary process.

Key words: *the revolutionary process, partogenez, political party, the classification of parties, party struggle.*

Khabarovsk Territory Institute of Educational Development.

Ul. Zabaykalskaya, 10, Khabarovsk, Russia, 680011.

E-mail: olga-avdoshkina@yandex.ru